

Виктор
АНТОНОВ

ГРОХОТ
ДАЛЬНИХ
ГРОЗ

СТИХИ

Виктор
АНТОНОВ

ГРОХОТ
ДАЛЬНИХ
ГРОЗ

СТИХИ

Виктор АНТОНОВ

ГРОХОТ ДАЛЬНИХ ГРОЗ

Биробиджан
2022

Антонов В. И.

Грохот дальних гроз. Стихи. / Составление и примечания — В. Антонов. — Биробиджан: ОГАУ «ИД «Биробиджан», 2022. — 56 стр.

Вступительная статья — Ю. П. Перминова

В сборник вошли стихи о Великой Отечественной и советско-японской войнах 1941-1945 гг., созданные нашим современником, что само по себе редкость для отдельного издания в XXI веке. Оно включает как авторские стихотворения, так и раздел переводов с украинского и идиша, в основном поэтов-фронтовиков.

«Маньчжурский» и «корейский» циклы, написанные непосредственным участником похода советских войск через Гоби и Хинган и освобождения Севера Кореи поэтом Хаимом Гуревичем, безусловно уникальны для идишской поэзии. Некоторые переведены на русский язык биробиджанскими литераторами впервые.

ЕДИНОЕ СЛОВО

Красив человек, живущий не только для себя, который через дело своё понимает, что она есть, жизнь, и что в ней действительно ценно. Блаженны грады и веси, имеющие своих подвижников...

В своё время, а именно — двенадцать лет назад, работа над составлением двухтомника «Сибиряки в битве за Москву» пожаловала мне сердечную радость новых знакомств со многими красивыми людьми, в свою очередь подаривших автору сего предисловия к этой необыкновенной книге — «Грохот дальних гроз» — дотоле скрытые источники душевных и физических сил. С людьми, живущими не только своими, необходимыми городу и стране делами, но и бескорыстным участием в святом деле сбережения Памяти о Великом Подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны. Именно так:

Шли мальчишки не за славой —

Шли мальчишки воевать.

— Я — советский, значит правый!

А на годы — наплевать!

Поиски необходимого материала и «открыли» для меня одного из таких людей — автора вышеприведённых строк Виктора Антонова из Еврейской автономной области, тогдашнего заместителя главного редактора «Биробиджанской звезды», безоговорочно и с великой для себя честью откликнувшегося на приглашение

принять участие в работе над книгой, посвящённой подвигу сибиряков в битве за Москву. Более того, во многом благодаря его стараниям именно в Биробиджане состоялась первая «выездная» презентация двухтомника.

Так началась наша творческая и человеческая дружба с Виктором Антоновым, о принадлежности которого к миру Поэзии мне поначалу ничего не было ведомо. Зато его публицистика, очерки — литературные, исторические, судьбенные — говорили о том, что автор глядит на жизнь, не опуская взгляда, не обманывая нас и себя, а уж как есть, так и есть. И сей взгляд — взгляд и поэта, что нашло своё подтверждение, когда Виктор «открылся» для меня и в этой своей ипостаси:

*Над облаками — небо,
А под холмом — река.
Между рекой и небом
Я проживу пока.*

Тут все по-кантовски на месте: «звёздное небо над головой, нравственный закон внутри». Живи, люби, радуйся миру. «Между рекой и небом» — это и дорога отсюда Туда, которая и держит, и ведёт, и принимает, и благословляет, и спасает, и является условием творчества. Здесь, в этом пространстве — исцеляющий «покой осторожного свышнего присутствия», по слову Валентина Распутина.

В поэзии притворство и фарисейство видны за версту, и они скоро отвращают читателя. Нет, тут в самых

простых словах подлинно бьётся живое неотступное чувство любви к малой Родине. Чувство, которое Виктор не разворачивает в «сложносочинённые предложения», где уже всё стало бы мировоззрением и системой, а со светлой печалью свидетельствует, что «... людям невдомёк, что и они — частица / Чудес, бывавших здесь сто лет тому назад». И эта печаль естественна и здорова — она не даёт обмануться наигранным благополучием и не прячет глаз от несовершенства мира и в самом этом мужестве взгляда обретает опору и свет.

Малая родина — не только холмы, реки и небеса над ними, но, в первую очередь — люди. Они и есть — и наша история, и наша память. И они — не порознь. Они — единое слово.

Поэтическая книга Виктора Антонова «Грохот дальних гроз» — единое целое с днём сегодняшним и с тем, что «позабывать нельзя» (Лев Ошанин), с тем переездом, куда ходила в мае 1945-го семилетняя биробиджанская девочка встречать своего отца с фронта — с букетом тополёвых веток с молодыми листьями, потому что цветы ещё не распустились:

*Словно счастья ожидая,
Я хожу на переезд.
На второй неделе мая
Ни цветочка нет окрест...*

Тогда, в 1945-м, об этой истории рассказал в газете «Биробиджанская звезда» писатель Борис Миллер,

а спустя десятилетия её главный редактор создал поэтический образ радостного, но и тревожного ожидания Великой Победы — мы ведь не знаем, встретила ли девочка своего отца... В мае или, быть может, в сентябре, потому что «За Амуром горя — море: / Чёрт заморский ненасытен...», потому что паровозы идут с войны на войну, «на японцев за рекою...»

Поэзия о Войне — это совершенно особый род поэзии не только по «тематике», но и по своему внутреннему настроению, по тому человеческому состоянию, которое она передаёт. Сам поэт признаётся: «Писать такое больно и страшно не угадать, говоря о том времени, о тех людях, тем более, порой от их имени...»

А он — Виктор Антонов — и не стал ничего угадывать, а примерил своё сердце к тому времени, и оно пришлось ему впору. И времена те сошлись в единое целое, уже совместно взяв на себя ответственность за настоящее.

*...Моря песка. Ни признака колодца.
Пустую флягу к треснувшим губам
Я приложил. От солнца расколоться
Готовы были люди и металл.*

Это уже строки из стихотворения «В Гоби» Хаима Гуревича, поэтически переведённого на русский язык с идиша автором книги «Грохот дальних гроз».

Металл раскалывался, люди — нет. В Гоби, где «... Чингизхан угрюмый, / Который миром править думал, / Здесь не сумел нигде оставить след: / Ни хана,

ни могилы в Гоби нет». В Маньчжурии, Корее... Может быть, ещё и потому, что в июне 1941 года увидел незадолго до гибели своей от вражеского осколка или пули поэт Самуил Гельмонд, как «Пустынным гулким коридором / За долгой ночью след во след / Проходит Пушкин шагом скорым — / Моя судьба и мой поэт» (подстрочник В. Фоменко, вольный перевод В. Антонова).

Вспоминаются строки Александра Межирова: «Мы писали о жизни... о жизни, / Не делимой на мир и войну», которые могли бы стать эпиграфом к переводам Виктора Антонова. Да и ко всей книге.

И жизнь победила смерть. И сердце выговаривает, выдыхает святую благодарность к тем, кто «сегодня... уходят, за взводом взвод». Поодиночке уже. Уходят те, с кем были мы увереннее и твёрже душой.

Блаженны грады и веси, имеющие своих подвижников. И поэтов, не дающих выстудить нашу память...

**Юрий Перминов,
секретарь Союза писателей России**

1941

В чёрном поле
Ворон крачет —
Хочет очи поклевать.
А убитый
Чуть не плачет:
Не успел повоевать!

Не успел ещё
Жениться.
Не успели
Полюбить.
А уже дурная
Птица
Хочет душу
Разорить.

Полно!
Не было подруги —
Плакать будет
Не она.
Коль со смертью
Вы супруги —
Ваша кончилась
Война.

<2005>

* * *

До Одера, до ордена
Дорога нелегка,
Хотя пройти до Одера
Всего-то два шага.

От Одера до ордена
Менялись сапоги:
Дороги перепройдены
Длинней любой реки.

И что нам там до ордена?
Добить бы уж врага!..
И далеко до Родины,
А смерть опять близка.

<2002>

*Василию Григорьевичу Антонову, призванному
в 1941 году после окончания 10 класса и пропавшему
без вести в июле 1942 года под Орлом.*

* * *

Шли мальчишки не за славой —
Шли мальчишки воевать.
- Я — советский, значит правый!
А на годы — наплевать!

Как же всё переменилось
Сразу в лицах матерей.
Пацанва в штанах на вырост
Не гоняет сизарей.

Баба молча лямку тянет:
«Я и лошадь, я и бык».
Гром ли грянет, выстрел грянет —
Всё стерпи: сама мужик.

Почтальон стучится в шибку*
Тихо-тихо: «Тут письмо...
Но бывают ведь ошибки...
А бывает...»
И умолк.

«А бывает...»
Всё бывает:
Пал без вести, сгинул след.
Память, головы теряют
И хоронят без примет.

Шли мальчишки не за славой —
От родных своих дверей...
И стоит на них держава
И терпеньи матерей.

<Весна 2022>

*Шибка — устар., областное: оконное стекло, лист, окончина.

ПУЛЕМЁТЧИЦА

Рассказ фронтового старшины

Да зачем же,
Да за что же,
Да в такой страшный год,
При её-то нежной коже
Нужен девке пулемёт?

Неужели нынче мало
Мужиков идёт на фронт,
Что и эта в строй наш встала,
В строй, а рядом пулемёт?

Приезжали военкоры
(Подводил их замковзвод).
Землю рыли, что шахтёры:
Девку им и пулемёт!

Нет, не сватать...
Коли вкратце,
К делу был такой подход:
Не нужна им девка, братцы!
С девкой нужен пулемёт!

И, конечно, поспрошали:
Сколько лет ей, сколько зим,
Представляли ли к медали,
Как в бою её «максим»?

Отвечала комсомолка —
Девятнадцать лет и зим —
Отвечала кратко, с толком:
«Мне чуть-чуть спокойней с ним».

<16 июня 2022>

САПОЖОК

Рассказ ветерана

Медсестричкин сапожок
С правой ножки — потерялся.
Не украли, не убёг — был велик
И вот сорвался.

В нашем Эн-ском арtpолку
(Не подумайте дурного),
Под сестричкину мольбу
Сапожок искали новый.

Ни один не упрекнул:
«Как же так, ефрейтор Света?»
Каждый в землю нос уткнул —
Сапожок искал заветный.

Было стыдно мне и всем
Перед рыжей нашей Светой:
Ножка номер тридцать семь,
А таких размеров — нету.

Ты, Светланчик, не грусти,
Не сверли зелёным взглядом.
Здесь до Праги — чуть пройти,
Магазины, значит, рядом.

Тут не время горевать —
Скоро мир, вернёшься к маме.
Дома будешь танцевать
В туфельках да с каблуками!

В одиноком сапогу
Светка всхлипывала тонко...
Ох как мстили мы врагу
За потерю той девчонки!

<15 июня 2022>

ФРОНТОВОЙ ГОСПИТАЛЬ

Всюду снега, снега, снега...
Ледяная простыня.
Тяжелеют тихо веки.
Видно, ранило меня...

Что за шум? И в шапке слякоть...
Жив! Живых — к врачам на суд.
Значит, нам не время плакать:
Кости мясом обрастут!

Медсанбат. Порядок странный.
Приговор врачебный скор.
С медицинским капитаном
Не поспорит и майор.

Белизна и тишь в палатах.
И обычай здесь таков:
Восемь девушек в халатах
На три сотни мужиков.

Рядом спит земляк безногий,
А сердца у нас легки:
Наконец-то мы с дороги
Поснимали сапоги.

<2004>

9 МАЯ 1945

Конец войне, тяжёлым ожиданиям.
Ах, до чего же дышится легко!
И оживляет солнце окна зданий,
И кажется, до счастья — сто шагов!

Навзрыд смеётся и взахлёб рыдает,
Окончив счёт нерадостным годам,
Народ, который утром оглушает
Победным сообщеньем Левитан.

<2002>

В майском номере газеты «Биробиджанская звезда» за 1945 год писатель Борис Миллер рассказал о семилетней девочке, которая уже неделю, с 9 мая, ежедневно ходит на вокзал встречать отца с фронта. Цветов ещё нет, поэтому она стоит там с букетом тополёвых веток с молодыми листьями.

* * *

Побежала, побежала,
Натянувшись, как струна.
Прибежала — закричала:
- Мама! Кончилась война!

Побежала, побежала
За порог да на вокзал.
Помню, как я не желала,
Чтобы папка уезжал.

Но шипели паровозы,
Молотили шатуны.
Шли составы, шли обозы
На войну или с войны.

Доносили, заносили
Ветры грохот дальних гроз.
Где же все мы брали силы
Ждать обратный паровоз?

Зашумела, заиграла
Свежей зеленью весна.
Сорвалась я, и — к вокзалу,
И, наверно, не одна...

Словно счастья ожидая,
Я хожу на переезд.
На второй неделе мая
Ни цветочка нет окрест...

<12 мая 2022>

*Ветераны Великой Отечественной имеют право
на получение благоустроенной жилплощади до конца
2010 года, независимо от времени подачи заявления.*

Из газет того времени

ЗАБЫТЫЙ

Рука строку выводит туго,
Но накропал-таки в тетради:
«Прошу найти мне тёплый угол.
Не Бога, а заслуги ради».

И что-то долго волновался
Войны далёкой ратник старый,
И согревал дыханьем пальцы,
В едва протопленной хибаре.

- Да вы, папаша, опоздали:
Давно исчерпаны лимиты.
Кто суетился — тем и дали.
Они у нас не позабыты.

Всё старику понятно было:
Всегда важны бумаги, связи.
Лишь, словно к непогоде, ныла
Рука на чёрной перевязи.

И он сошёл с порога тяжело
Казённого и злого дома.
Звенела голова, как фляжка,
Где высохла вода из Дона...

Пришла, конечно, справедливость.
Да из Москвы!
Вся ж правда — тама....
И за века не изменилось:
Лишь мёртвые не имеют срама.

<2010>

ПОЛИТБЕСЕДА НА ГРАНИЦЕ

За Амуром горе морем
Расплескалось по Китаю.
Утомившись в споре с горем,
К нам стремятся птичьи стаи.

Иль не правда в поговорке:
«Рыба ищет там, где глубже»?
А любой мужик в опорках —
Он ведь рыбы той не хуже...

Где судьба нас не носила?
Всё смогла, прошла пехота!..
Там — в Китае — вражья сила.
Ей и пить, и есть охота.

Сила та приходит с моря,
Хватить! — хозяина не спросит —
Лес и рис, и жизнь... Лишь горе
За собою не уносит.

За Амуром горя — море:
Чёрт заморский ненасытен*.
Он давно и с нами в споре,
В нашу дверь стучит копытом.

Эй, бесёнок, не балуйся!
Нас ты, словно птичью стаю,
Не прогонишь, морда гнусья!
Мы пройдем и по Китаю!

Мы войдёт в Китай без стука,
Словно к доброму соседу...

В сорок пятом политрук нам
Повторил политбеседу.

*Заморские черти — старинное презрительное название японцев китайцами. По представлениям древних японских буддистов, грешники в аду вечно испытывают неутолимый голод.

ЖЁЛТЫЕ БОТИНКИ

Рассказ об одном трофее

Он не погиб под Курском —
С Квантуна пришёл калекой.
Радость его возвращения
Была неизбывно горька
Для матери.
Мне же на радость
Трофейные были ботинки.
В жёлтых японских ботинках
Я как победитель шагал!

Что были то за ботинки!
Крепким спиртовым подошвам
Русская грязь и горы
Были совсем не страшны.
Топать в таких ботинках
Можно легко и долго.
Так вот и собирался
Битый отцом самурай.

Хорошие были ботинки
С японской маленькой ножки!
Пусть были великоваты
Они мне ещё тогда,
Но что за беда в том, коли
Есть у меня ботинки,
Собственные ботинки —
Не с братом одни на двоих!

— Считай, я купил их на вырост, —
Сказал мне отец с улыбкой. —
Портянку мотай потолще,
И долго будешь носить.
И ставя опять заплату
На старый кирзач, что в осень
Принёс он с полей Маньчжурских
(Принёс только правый сапог),
Глядел на трофейный ботинок,
Не требующий ремонта,
Качал головой:
— Эх, ловок сапожник, япона мать!

* * *

Гаснет серого вечера свечка.
Мир стрельбою грозы напуган.
Ветераны спешат с крылечек
По домам — в уголки кухонь.

А ведь были прочнее стали
Средь бомбёжек, трудов, забот!..
А сегодня они устали,
И уходят, за взводом взвод.

<2002>

О ТОМ, ЧЕГО ПОКА НЕ БЫЛО

Когда уйдёт последний ветеран,
Не грянет гром, не вспыхнут вспышки молний,
Не опустеет неба свод бездонный,
Не грянет горьким хором птичий гай.

Продолжит будни или выходной
Упрямый календарь, не станут реки...
Но этот мир изменится навеки —
Он станет коллективным сиротой.

А что же мы?
А мы, придя в свой дом,
Отложим эту новость на потом:
У нас ведь будет столько новых ран,
Что не простит ушедший ветеран.

<20 июня 2022>

ДВА ИОСИФА*

У Безымянного ключа
Сегодня вовсе день не паркий.
И два Иосифа молчат
Средь зелени в заросшем парке.

Один — старинный и стальной,
Другой — навеки молодой.

Однажды, много лет назад,
Во фронтовую непогоду,
В кругу ровесников-солдат
Они на бой ушли с заводов.

Один — могучий и стальной,
Другой — весёлый, молодой.

Ну а домой пришёл один —
В парадной мощи, в блеске стали...
И вот однажды, средь куртин,
На пьедесталы рядом встали:

Один — недвижимый, броневой,
Другой — порывистый, живой.

<14 апреля 2021>

*В парке памяти заводчан, ушедших на фронт с Обозного завода, установлены бюсты Героя Советского Союза Иосифа Бумагина (погибшего при освобождении Польши в апреле 1945 года) и танк марки ИС (Иосиф Сталин) — в память бойцов 60-й танковой дивизии, сформированной в 1941 году в районе Биробиджана. Часть её была направлена на формирование Амурской танковой дивизии для защиты дальневосточных рубежей, часть с 14 октября 1941 года начала переброску на запад. Прибыла в Тихвин 29 октября 1941 года. 20 января 1942 года на базе дивизии сформирована 60-я танковая бригада, действовавшая до января 1944 года.

БАБИЙ ЯР

Расстреляна осень,
Роскошная, жёлто-горячая.
Утихла. Не молит
Ни небо, ни землю сыру.
Она уж не стонет,
Не просит пощады,
Не плачет.
Она уж не дышит
На этом проклятом яру.
До яра безвинности
Дела мне нынче немного.
Безвинны деревья,
Безвинны кусты на песке...
Но звери людские,
Что слеплены вроде бы с Бога,
Не верю, что посланы Богом
Судить на земле!
Здесь мир раскулачен,
Всё в нём и ничьё, и всеобщее:
Траншеи и пули,
И кровь, что сгустилась на дне.
И мёртвая осень рождает
безумца-уродца,
И этим младенцем
Родиться назначилось мне.
Так что наша жизнь —
Искушение иль искупенье?!

С утра отыщу —
Ввечеру закопаю в земле
И свастики крестики,
И звёзды былых поколений,
И знак полиция,
Что были на чём-то челе.
Пусть кто поворожит
На эти обломки, на долю,
Чтоб больше не падали
Чёрно-багровы дожди.
Из луночки той
Пусть проклянутся плети фасоли
Ядрёной и белой,
Как мама любила в борщи.
Я лета не вижу,
Не слышу берёзовый гомон.
Лишь осени,
Только займутся в лесах и садах, —
Прапамять мою пробудят
Справедливым законом,
Встревожат
И снова до срока пригонят сюда.
И я поспешаю,
Сжигаем душевным пожаром:
Вон там, между веток,
Знакомою кофтой маня...
Бегу я не Бабым,
А маминым, Маминым Яром,
Босой, словно в детстве.
Пусть мать отругает меня!

ЗАБРОШЕННАЯ МОГИЛА

Вот тут, где смуро опустились ветви
Осокоря почти что до земли,
В пропахшем дымом лете сорок третьем
Они все за неправду полегли.

Крестьянки наши в землю их зарыли.
Без почестей, гробов — с землёй равны...
И ныне над забытою могилой
Роскошные репы и бурьяны.

Лишь старики, коль к разговору склонны,
Припомнят неохотно, словно сон:
Враг бился до последнего патрона,
И не хотел никак сдаваться он.

Таких героев не венчает слава —
Под небом неоглядно голубым
Осокорь украинский величавый
В укре вечном кажется седым.

Прислужник у лукавых и насытых,
За что ты лёг в неправом том бою?
И сироты людей, тобой убитых,
Дурную храбрость прокляли твою.

Жизнь грязный след травой застелила:
Нет ни креста, ни имени, ни дат —
Заброшена и проклята могила,
И в ней бесславный фюрера солдат.

<30-31 мая 2022>

Из Шмуэла (Самуила) ГЕЛЬМОНДА (перевод с идиша) —

Подстрочный перевод Валерия Фоменко

ПУШКИН

Пустынным гулким коридором
За долгой ночью след во след
Проходит Пушкин шагом скорым —
Моя судьба и мой поэт.

Пальто дорожное снимает,
Привычно в угол ставит трость,
Ко мне идёт, и мне сияет
Мой смуглый полуночный гость.

Во мне сумел узреть он тоже
Поэта, брата своего?..
Но судит время много строже,
И выбирает одного,
Кто остаётся в слове, в звуке
Столетия юный и живой...
Звучит рояль, летают руки,
Поют о деве неземной:
«Я помню чудное мгновенье...»

Я полною зал густой хвалою,
И входит в зал густой рассвет...
А Пушкин до сих пор со мною —
Моя Судьба и мой Поэт.

Июнь 1941*

<1999-06 июня 2004>

*Поэт погиб в июне 1941 г.

К ДРУГУ

Ночь мохната. Ветер штормовой
Мечет снег, выламывая ставни...
Приходи ко мне. Возьми с собой
Сердце, смех и слово, друг мой давний.

Радость жизни принеси сюда,
Свежесть духа, свежесть смелых мыслей.
...Ночь без сна. Без страха. Без стыда.
Мы вдвоём. И буря тише, тише...

<1998>

ТЫ УЧИЛ МЕНЯ

Ты учил меня верить людям,
Старых чтить и любить детей.
Говорил: «Мы плутать не будем
В перепутьях чужих идей!»

Ты учил, как мечту и слово
Переплавить в дела и явь,
И как сыну планеты новой
Мчаться скорым, бросаться вплавь,

И, дыханья умерив тяжесть,
Рвать судьбы роковое кольцо,
Чтобы жить, как совесть прикажет —
От огня не пряча лицо.

2 июня 1941

<1998>

ЛЮБАР*

Вдоль улицы дома крепки,
Из окон свет — ищи иголку!
В райком Любарский — напрямки.
Там знамя красное. Из шёлка!

Но сбиты на дверях замки
И площадь ров разрезал криво...
- Да что же это, земляки?!
- А будет так до Тель-Авива!

И этот пыльный городок,
Евреев, красных и Россию
Раздавит вермахта сапог,
И втопчет в улицы кривые!..

Какой пугающий язык!
Застывший люд не шелохнётся.
И удивляется на миг:
«На чистом идиш фриц смеётся!»**

* Любар — местечко на Украине, родина поэта.

** Еврейский язык (идиш) в начале XX века многие филологи относили к диалектам немецкого. Здесь пугает яркий антисемитизм фразы, звучащей почти по-еврейски.

Я НЕ УМЕЮ ЗАБЫВАТЬ

Я не умею забывать...
Вот этот домик номер пять,
Вот эту тишину меж стен
В местечке «N».

Я двери в дом приотворил:
Три детских коечки внутри,
Три тихих девочки лежат.
Навеки спят.

Глаза открыты, взор их слеп.
Дыханья нет. Движения нет.
Часы стоят*...

В висок немой ударил крик.
Он на бегу меня настиг.
Сжимали руки автомат:
Где этот кат?!

Давно я обожжён войной,
Виски покрылись сединой.
Но где б я ни был — Боже мой! —
Три мёртвых девочки за мной.

Я не умею забывать.
Рука сжимается опять.

Подстрочный перевод Романа Кутина

<7 июня 2015>

* Данное трёхстишие дописано переводчиком 3 декабря 2015

ЙОСЬКА-БРИГАДИР*

Йосэф, мой сыночек,
Видный между прочих
Парень — тракторист и бригадир.
Он вернулся с фронта —
Нет таким афронта**.
Он с такой невестой приходил!

Циля — как цветочек.
Циля, между впрочем,
Славится на весь колхоз «Валдгейм».
А её телята,
Как в Бире ребята,
Искупались. Любо поглядеть!

И опять хлопочет
Циля днём и ночью:
Дойка, мойка, отпуск в декабре...

*К удивлению переводчика, и в оригинале на идише иронично-шуточный текст И. Бронфмана легко ложится на известную мелодию... «Мурки». Видимо автор так похулиганил, а цензура проглядела.

**Афронт — От франц. (affront — оскорбление, позор). В русском языке — неожиданная неприятность, неудача, резкий отпор (устар.).

Да, такой невесте
Здесь, в Валдгейме, тесно,
И не хватит дней в календаре!

Вы меня спросили,
Где же Йося с Цилей?
Циля примеряет крепдешин.
Йоська чуть подале,
На груди медали
За отвагу, Прагу и Берлин!

Ну и, как ведётся,
Встречи у колодца
Завершились свадьбой на весь мир.
Сердце аж упало:
- Ай, какая пара!
Всем бы так!
И — аза йор аф мир***!

*Чтоб мы так жили! — еврейское выражение.

ДУМА О ЧИНГИЗХАНЕ

Земля в степи как ни тверда,
В ней конь оставит след всегда...
.....
Веками тут ходили караваны,
И тропы их на Гоби — чёрной раной.
И даже холмик норки тарбаганьей
Запёкся на жаре, став серым камнем...
И только Чингизхан угрюмый,
Который миром править думал,
Здесь не сумел нигде оставить след:
Ни хана, ни могилы в Гоби нет.

<2016>

ПАМЯТНИК

Когда в набег разбойный по Китаю
Потоки орд направил хан Чингиз,
Он приказал нукерам, уезжая,
По камню взять с границ родного края...
У ног Хингана камни улеглись.

И десять суток храбрые нукеры,
Во всём послушны хану, как волы,
Бросали камни по его примеру...
Так у Хингана встали две скалы.

...В родную степь с победою вернулись.
Спустился с чуждых гор и хан Чингиз.
К своим камням нукеры потянулись...
Не всех камней в тот день рука коснулась.
А хан молчал, взор опуская вниз...

Усыпано подножие Хингана
Каменьем. Как разрушен чей-то склеп.
Лежит здесь слава войска Чингизхана
Под чуждым небом, на чужой земле.

<2016>

МИМО СТЕН ЧОЙБАЛСАНА...

(Монгольский мотив)

Спит в поле глинобитный Чойбалсан*.
Лишь вороньё, в своей извечной скорби
Вновь криком провожает караван,
Идущий в пыльный зной Восточной Гоби.

Здрав немые морды** к небесам,
Неспешно тянутся тяжёлые верблюды.
И в их печальных и больших глазах
Предвестье, что затишье это — к худу...

Покорные погонщикам своим,
Услышав оклик долгий и гортанный,
Вступают в Гоби звери за людьми.
И тонут в белом пекле караваны.

*Чойбалсан — четвёртый по величине город Монголии. На протяжении столетий место, где он сейчас находится, служило остановкой на караванном пути. Город носит имя главнокомандующего Народно-Революционной Армией МНР в 1924—1929 и 1937—1952 годах маршала Чойбалсана, означающее «тот, кто поддерживает величие».

**Верблюд редко подаёт голос, а в жару вообще не открывает рот: экономит влагу, которая таким образом может испариться.

Нескоро вновь араты-пастухи
Издалека услышат звук знакомый,
Что возвестит им: из степей сухих
Усталый караван вернулся к дому.

Но сколько дней, а может, и недель,
Пройдёт до возвращения каравана,
Никто не скажет. Только суровой
На пришлых глянут стены Чойбалсана.

Нет в том краю пространства точной меры.
Но в степь вступая — в возвращенье веруй!

<2016>

В ГОБИ

Мы третий день идём восточной Гоби,
А впереди — обрывистый Хинган.
Шепчу стихи про дальний свой Старобин,
Вошедший вдруг в гобийский мой туман...

Вот я стою на дедовском подворье,
Сам на себя немного не похож...
Мне дед наполнил самой дорогой
Водою ключевою медный ковш.

Я от ковша не в силах оторваться,
Всё пил и пил на зависть остальным,
Как жизнь саму, что может оборваться...
Но снова — Гоби,

жажда,
жёлтый дым...

Мой дом сожжён. В июне негодяи
В него вошли. Моя страна тогда
Вся — от Москвы до самых окраин —
Была в огне, как наша слобода.

А между хат шатались полицаи,
Устроив бойню на моём дворе.
И разрывали хлеба караваи,
И это хлеб от крови побурел.

А ражий кат пил мутную сивуху,
И бил рекорды в пьяном кураже.
И, как трофей, наш добрый ковш и кружку
Сложил в мешок для будущих торжеств...

...Моря песка. Ни признака колодца.
Пустую флягу к треснувшим губам
Я приложил. От солнца расколется
Готовы были люди и металл.

Но ничего: прошёл, не оступился,
И этот пламень с неба пережив.
Старик-Хинган пред нами отступился,
Как и Карпаты, голову склонив.

И в ранний час, по утренней прохладе
Мы налетели бурей на врагов...
И пленный шурится на нас подслеповато:
Твердя: «Маньчжоу-го, Маньчжоу-го»...

Конец войне! Целуемся, как братья.
Включайте нам зелёный семафор!
Мы эшелонам все летим в объятья
К тем, кто наш ждёт с надеждой до сих пор.

И я вернусь в старинный мой Старобин.
Дорогу мне расчистит мой «наган»...

.....
Ещё три дня брести пустыней Гоби.
Ещё три дня — одолевать Хинган.

НОЧЬ В ГОБИ

Гляди, мелькают огоньки вдали:
Дрожат, мерцают, мечутся и скачут...
Мы не на волчью свадьбу набрели?
Или к аймаку* вышли наудачу?

<2016>

ЯЩЕРКА

Здесь всё вокруг отравлено желтухой.
От зноя никому спасенья нет.
Здесь даже ящерке степной смертельно сухо...
Остался лишь на камне силуэт.

<2016>

*Аймак — монгольское и тюркское родоплеменное образование, кочующее вместе, а также административная единица в Монголии.

В КОРЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

В лёгкой дымке утро зреет,
Петухи заводят песни...
Будто здесь и не Корея,
А глубокое Полесье*...

.....
Под низкой кровлею хибар
Табак развесили. К погоде!
Ведь стаи ласточек с утра
Недаром в небе хороводят.

В сарай сложили клевера —
Они исходят сладким духом.
А вишня посреди двора
Не в срок оделась белым пухом.

Собаки дремлют в конурах
(Вот и скажи про жизнь собачью!)
Всё, как у нас на хуторах.
И малыши здесь так же плачут.

Я жду, с мордушей** полищук***
Вот-вот ко мне навстречу выйдет.
В его улове — вдоволь щук,
А в языке — семь слов на идиш.

*Полесье — географическая области на территории Белоруссии, Польши, России и Украины.

**Мордуша — рыболовная снасть.

***Полищук — житель Полесья.

Его хозяйка хлопотать
Начнёт для нас у сковородок...
Вот здесь бы нам заночевать,
С похода чарку и — на отдых!

И пусть болтает за столом
Старик-крестьянин седуусый,
О козах, сене и о том,
Как он с Брусиловским полком
И сам не праздновал здесь труса.

...Конечно, за такой приём
Любой рассказчик неподсуден...
Мы обещали: «Вновь придём,
Коль только завтра живы будем».

.....
В лёгкой дымке утро зреет,
Петухи заводят песни...
Будто здесь и не Корея,
А глубокое Полесье...

«Ма-арш!».. И кончились виденья.
Дан приказ — готовься к бою!
И пошли мы в наступленье
На японцев за рекою...

Сапёры пробурили три колодца.
Вот-вот артезианская вода
К земле изнемогающей пробьётся...
Однажды мы придём
туристами сюда.

(Корейский мотив)

С тем, кто мне люб, кто мне всего дороже,
Жизнь не связать... И это тем грустней,
Что даже ласточка, и та, увы, не может
Быть неизменной спутницей моей.

Журавль кружит-кружит над сжатым полем...
Родных примет с небес не отыскав,
С пути собьётся. И уж поневоле
Гнездо другое выстроит, устав...

С тем, кто мне люб, нечасто мы встречались.
А уж сегодня у моих ворот
Он лишний раз появится едва ли.
А появившись — сердце разорвёт.

Он был мне люб... Но правду молвят люди:
Не всякий огонёк, что нас манит,
Окажется звездой... Лишь я не буду
О сокровенном людям говорить.

СОДЕРЖАНИЕ

Единое слово.....	5
1941	10
До Одера, до ордена дорога нелегка... ..	11
Шли мальчишки не за славой... ..	12
Пулемётчица	14
Сапожок	16
Фронтowej госпиталь	18
9 мая 1945.....	19
Побежала, побежала... ..	20
Забывтый.....	22
Политбеседа на границе	24
Жёлтые ботинки	26
Гаснет серого вечера свечка... ..	28
О том, чего пока не было	29
Два Иосифа.....	30
 <i>Из Игоря ФАЛЬКОВИЧА (перевод с украинского)</i>	
Бабий яр	31
 <i>Из Василя СИМОНЕНКО (перевод с украинского)</i>	
Заброшенная могила	33

<i>Из Шмуэла (Самуила) ГЕЛЬМОНДА (перевод с идиша)</i>	
Пушкин	35
К другу.....	36
Ты учил меня	37
 <i>Из Арона ВЕРГЕЛЕСА (перевод с идиша)</i>	
Любар	38
 <i>Из Исаака БРОНФМАНА (перевод с идиша)</i>	
Я не умею забывать.....	39
Йоська-бригадир	40
 <i>Из Хаима ГУРЕВИЧА (перевод с идиша)</i>	
Дума о Чингизхане	42
Памятник	43
Мимо стен Чойбалсана.....	44
В Гоби.....	46
Ночь в Гоби	48
Ящерка.....	49
В корейской деревне	50
Когда-нибудь.....	52
Не всякий огонёк — звезда.....	53

В.И. Антонов
Грохот дальних гроз
Стихи

Верстка и дизайн Т. А. Истоминой

Подписано в печать 21.07.2022г.
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 3,26. Гарнитура «Times».
Печать офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 1062
Отпечатано: ОГАУ «Издательский дом «Биробиджан»,
679000, г. Биробиджан, ул. Ленина, 32.

